

Н. М. Каткова

СТРАТАГЕМНОСТЬ МЫШЛЕНИЯ И ПОВЕДЕНИЯ КАК ХАРАКТЕРНАЯ ОСОБЕННОСТЬ КИТАЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В процессе завоевания Минской империи и на протяжении всей своей истории маньчжурская империя Цин не раз демонстрировала свои стратагемные планы в отношении союзников и противников. Одним из таких примеров является начальный этап завоевания Минской империи. С целью завоевания Северного Китая в 1626–1627 гг. Абахай предпринимал различные шаги: привлекал на свою сторону монгольских правителей, присваивал им титулы, оказывал помощь в борьбе против других, заключил клятвенный союз. Благодаря этой хитроумной политике уже в 20-х гг. XVII в. государство Маньчжоу подчинило себе большинство княжеств Южной Монголии, которые в дальнейшем стали плацдармом для наступления на Северный Китай. Именно эти действия маньчжуров являются проявлением их стратагемного мышления и поведения в отношении своих противников, так как с помощью интриг, оказания давления на правителей и сталкивания их друг с другом маньчжуры устанавливали контроль над противниками и использовали их в дальнейших завоеваниях империи Мин.

Еще несколько эпизодов в истории империи Цин являются свидетельством использования «хитроумных планов» императора Канси в отношении Монголии, Джунгарии и непосредственно Тибета.

В 1661 г. накануне смерти императора Фулиня новым правителем Цинской империи был провозглашен его семилетний сын Сюанье (1662–1722) с девизом правления Канси (Прощающее и Лучезарное). До совершеннолетия Сюанье страной правил совет регентов во главе с князем Обоем. В 1664 г., еще при правительстве Обоя, цинская империя активизировала свою политику в отношении Монголии, воспользовавшись междоусобной войной за наследство умершего Дзасакту-хана. Пекин нарушил единство монгольской территории: пустыня Гоби была объявлена границей между Внутренней Монголией и Халхой. Переход через границу был запрещен, вдоль границы расположились цинские войска.

Вскоре в союз с Цинской империей вступил глава монголов-хошоутов — сын и преемник Гуши-хана Даши-Батур. Он дал возможность маньчжурам в 1673 г. ввести свои войска и сделать Кукунор (Цинхай) плацдармом для дальнейшей экспансии Тибета, что, очевидно, служит еще одним доказательством использования третьей силы (в данном случае ойратов) для достижения стратагемных планов маньчжуров в установлении своего господства над Тибетом.

С 70-х гг. XVII в. изменились маньчжуро-тибетские отношения. В 30–60-х гг. XVII в. Тибет номинально признал верховенство маньчжурских правителей. Данный союз был выгоден обеим сторонам до тех пор, пока Цинская династия не начала использовать религиозный авторитет далай-лам для подчинения себе Северной Монголии — Халхи. Маньчжуро-тибетский союз распался с усилением Джунгарского ханства в 70-х гг.

XVII в., так как ойратские правители Эрдени-Батур-хунтайчжи и Галдан стремились объединить всех монголов-ламаистов под своей властью. Галдан получил от далай-ламы почетный титул Бошокту-хана (Благословенный хан) [1, с. 83–84].

Цинские правители в свою очередь стремились предотвратить создание единого монгольского государства и положить конец союзу Халхи и Джунгарии. Сюанье навлекая на одних халхаских ханов на других, ожидая удобного случая для присоединения Халхи к Цинской империи. В 1684 г. среди халхаских ханов разразилась очередная междоусобная борьба, во время которой был убит посол Галдана. В 1687–1688 гг. Галдан разгромил халхасцев. Сюанье не поддержал Халху и позволил джунгарам разгромить их, что и стало прекрасной возможностью для подчинения Халхи под видом ее защиты от Галдана [1, с. 98–99].

С разгромом джунгарского ханства и подчинением Халхи развеялись совместные планы Тибета и Джунгарии по объединению всех монголов-ламаистов, а Цинская империя устранила препятствия для достижения своей долгосрочной цели — покорения Тибета. Данный исторический эпизод — яркий пример достижения маньчжурами с помощью ойратов своих стратагемных планов в отношении Тибета, а также Северной Монголии — Халхи.

Целью статьи является рассмотрение понятия стратагемности и его роли в истории Китая, сознании людей и оценке исторических событий.

Сегодня в западной и отечественной историографии существуют две фундаментальные работы, рассматривающие понятие стратагемности в истории китайской цивилизации. Одна из них — монография швейцарского ученого Харро фон Зенгера «Стратагемы: О китайском искусстве жить и выживать». Она состоит из двух томов и представляет собой широкий анализ 36 стратагем и примеры их применения в истории Китая, художественной литературе, исторических трактатах и современных публикациях. В российской историографии ключевой работой является монография В. С. Мясникова «Квадратура китайского круга».

В своей книге В. С. Мясников говорит о том, что взаимоотношения людей на всех уровнях, в том числе и между государствами, подобны определенным игровым системам, имеющим свои правила и особенности. Чтобы одержать верх над противником, необходимо знать не только правила игры, но и ее суть, тонкости, обладать стратегическим видением и тактическими ловушками. Такие игровые системы существуют и по сей день в западной культуре, они становятся материалом для изучения современными психологами и психоаналитиками. Понятие стратагемности мышления и поведения появилось еще за несколько столетий до начала нашей эры и стало характерной особенностью именно китайской цивилизации, перейдя впоследствии в национальные культуры таких стран, как Япония, Корея и Вьетнам [2, с. 13].

Стратагема (*чжимоу, моулюе, цэлюе, фанлюе*) — это стратегический план, в котором для противника заключена какая-либо ловушка или хитрость. Бином *чжимоу* одновременно означает и сообразительность, и изобретательность, и находчивость. Понятие стратагемности зародилось в глубокой древности и было связано с приемами военной и дипломатической борьбы. Огромное влияние на развитие понятия стратагемности оказал величайший военный мыслитель Древнего Китая Сунь-Цзы — автор трактата «О военном искусстве», который требовал облекать предварительные расчеты в форму стратагем. Под литературно-философским псевдонимом Сунь-Цзы выступал выдающийся полководец Сунь Бинь, живший в VI в. до н. э. в древнекитайском царстве Ци.

На протяжении тысячелетий китайские полководцы составляли стратагемы для взятия крепостей и достижения успеха в военных кампаниях [2, с. 15].

Политические учителя и наставники правителей были одинаково искусны и в управлении гражданским обществом, и в дипломатии. Дипломатические стратагемы представляли собой нацеленные на решение крупной внешнеполитической задачи планы, рассчитанные на длительный период и отвечающие национальным и государственным интересам. В дипломатии понятие стратагемности определяется как сумма дипломатических и военных мероприятий, связанных с реализацией долгосрочного стратегического плана, обеспечивающего решение кардинальных задач внешней политики государства.

В Китае за несколько столетий до нашей эры выработка стратегических планов — стратагем — вошла в практику и стала своего рода искусством, обогащаясь многими поколениями.

Знание древних стратагем, составление хитроумных планов стало в Китае традицией не только политической жизни, касающейся дипломатии или войны, но и бытовой жизни.

Умение составлять стратагемы свидетельствовало о незаурядных способностях человека. Поэтому на всех уровнях в Китае привыкли с должным уважением относиться к стратегии и вырабатываемым стратегами планам. Практически во всех сферах жизни шло состязание в составлении и реализации стратагем. Появился специальный термин *чжидоу*, обозначающий такую состязательность. Стратагемность стала чертой национального характера, особенностью национальной психологии.

Одним из достоинств совершенного человека согласно конфуцианскому учению считалось такое качество, как минь (ум, смысленность, способности). Владение искусством составлять стратагемы служило свидетельством высокой одаренности [2, с. 15–16].

Согласно В. С. Мясникову, китайские стратагемы являются не только аспектом китайской национальной культуры, но и частью культуры всего человечества. Однако на Западе почти отсутствуют исследования по этой теме. Понимание стратагемности на Западе развито слабо. Представители западной цивилизации в своей повседневной жизни постоянно становятся жертвами стратагем и часто сами применяют их в зависимости от ситуации, но никогда не задумываются об этом. Единственным исследованием в этой области является ранее упоминавшаяся работа швейцарского ученого Х. фон Зенгера «Стратагемы: о китайском искусстве жить и выживать».

Китай — единственное место в мире, где стратагемы когда-либо были распределены по категориям и получили собственные названия (в форме каталога 36 стратагем). Основное намерение Х. фон Зенгера — показать возможность универсального применения китайской стратагемности (учения о хитроумных планах) на любом поприще и в любой стране для исследовательских и практических целей.

В. С. Мясников полагает, что первым западным деятелем, который когда-либо упомянул применительно к Китаю термин «стратагема», был русский дипломат начала XVIII в. С. Л. Владиславич-Рагузинский, который в 1727 г. писал о китайских сановниках: «И сию вторую стратагему они чинили, чем бы меня обмануть» [3, с. 11].

Слово «стратагема» восходит к древнегреческому *strategema*, что означает военное дело вообще и в частности военную хитрость. В «The Oxford English Dictionary» оно имеет следующие значения: «1a. An operation or act of generalship; usually, an artifice or trick designed to outwit or surprise the enemy (Военная операция или прием, обычно хит-

рость или уловка, предназначенная, чтобы ввести в заблуждение или заставить врасплох врага).

1b. In generalized sense: Military artifice (В обобщенном смысле: военная хитрость).

2a. Any artifice or trick; a device or scheme for obtaining an advantage (Любая хитрость или уловка; прием или интрига с целью достигнуть преимущества).

2b. In generalized sense: Skill in devising expedients; artifice, cunning (В обобщенном смысле: изобретательность в поисках выхода; хитрость, изворотливость) [3, с. 14].

В английском и французском языках слово «stratagem/stratageme» употребляется довольно часто, в отличие от немецкого языка, в котором используется очень редко. Совершенно иначе обстоит дело в Китае. И в произведениях древнекитайской литературы, относящихся к периоду «Весны и Осени» (VIII–IV вв. до н.э.) или к периоду «Сражающихся царств» (V–III вв. до н.э.)¹, и в современной китайской литературе и периодике упоминаются следующие иероглифы: 着 современное чтение — чжао; 謀 современное чтение — моу; 笑 современное чтение — цэ; особенно часто 計 современное чтение — цзи. Например, иероглиф 計 состоит из двух частей: 言 современное чтение — янь «считать»², 十 современное чтение — ши «десять» — и, таким образом, обозначает «считать до десяти» или вообще «считать, учитывать, рассчитывать», а как существительное — «расчет, план». В зависимости от контекста китайские иероглифы могут выступать в различных значениях. Это касается и «цзи», и других приведенных выше. Данные иероглифы в зависимости от контекста имеют два значения: 1) военная хитрость и 2) хитрость, уловка в политической и частной жизни. Именно этим двум значениям и соответствует в западных языках слово «стратагема».

Приведенные китайские иероглифы в древние времена употребляются вполне нейтрально, а то и в положительном смысле. Необходимо отметить, что китайский иероглиф «чжи», который переводится в большинстве западных словарей как «мудрость», «знание», в китайских текстах — как в древних, так и в новых — употребляется в основном в значении «хитрость» или же — нейтрально — «стратагема». Число 36 в словосочетании «36 стратагем» в дошедшем до нас старейшем трактате о стратагемах объясняется ссылкой на «И цзин» («Книгу перемен») — гадательную книгу, основное содержание которой может быть датировано X–VIII вв. до н.э. Главная идея «Книги перемен», одного из известнейших древнекитайских сочинений, согласно древнейшему (середина I тыс до н.э.) коммен-

¹ Термин «Весна и Осень» (по-китайски «Чунь-цю») употребляется в двух значениях. Во-первых, так названа пятая книга конфуцианского пятикнижия, содержащая летопись княжества Лу; во-вторых, такое название носит исторический период 722–481 гг. до н.э. В те времена страна распалась на множество самостоятельных владений, а власть правившей династии Чжоу (XI–III вв. до н.э.) была лишь номинальной.

Однако постепенно к периоду «Сражающихся царств» («Чжань-го»), который охватывал 403–221 гг. до н.э., главными на исторической арене остались семь царств: Чу, Цинь, Чжао, Ци, Вэй, Янь и Хань. Исторические хроники этого периода носят название «Чжаньго цэ» — «Планы „Сражающихся царств“». Иероглиф «цэ» имеет значение и «план», и «стратегия». Поэтому речь идет о дипломатических и военных стратагемах, использовавшихся в тот период в борьбе между древнекитайскими царствами. Именно это содержание источника и раскрывалось исследователями [4; 5].

² Основное значение иероглифа янь — «речь», «слово». Значения «считать» не дают ни китайские, ни европейские словари [2].

³ «И цзин» (другое название «Чжоу и») — «Книга перемен», или «Канон перемен» — памятник древнекитайской философской и религиозной мысли. В духовной жизни восточноазиатского цивилизационного комплекса «И цзин» играл особую роль, сравнимую лишь со значением Библии для христианской культуры. Выдающийся вклад в перевод и изучение «И цзина» был сделан петербургским востоковедом Ю. К. Щуцким (1897–1938) [6].

тарию, — дуализм Инь и Ян, двух противоположных сил, из которых Ян представляет солнечную сторону, а Инь — тeneвую. Но Инь означает также «хитрость», и по «Книге перемен» ее число — 6. Исходя из этого число 36 является квадратом элементов Инь и, таким образом, вызывает представление о великом множестве хитростей [3, с. 14–17].

В «Книге перемен» отсутствует список 36 стратагем. До последнего времени считалось, что впервые 36 стратагем были сведены в таблице, известной под названием «Хунмынь чжэсюэ» («Философия Хунмынь»), принадлежащей тайному обществу Хунмынь, основанному около 1074 г. Общество Хунмынь преследовало цель освобождения из-под власти чужеземной маньчжурской династии (1644–1911) и восстановления коренной династии Мин (1368–1644). Составленный им список 36 стратагем может рассматриваться как прообраз бытующих ныне версий 36 стратагем. Но в 1941 г. был обнаружен более ранний источник — «Трактат о 36 стратагемах», относимый к концу династии Мин [3, с. 17].

В Китае стратагемы с древнейших времен играют важную роль. В течение столетий вновь и вновь возникали идиоматические выражения, образные, метафорические обороты речи для стратагем различного рода. Эти обороты оттачивались среди народа и создавались авторами сочинений по военной теории, философии, истории и литературе. Под «стратагемными» метафорами скрываются выражения, относящиеся к историческим событиям истории древнего Китая и к народным преданиям, повествующим об обстоятельствах, в которых применялась та или иная стратагема. Собрание 36 стратагем с лингвистической точки зрения представляет собой список из 36 речевых оборотов [3, с. 17–18].

Полный список 36 стратагем состоит из 138 китайских иероглифов, лишь по 4 иероглифа на каждую стратагему. Стратагемы могут относиться к различным категориям: камуфлирование; введение в заблуждение; захват добычи; блокада; получение преимущества; соблазнение; бегство.

Кроме того, имеются стратагемы различной степени утонченности, обман на словах и в действиях, специальные военные хитрости и уловки, которые с тем же успехом можно применять в политической и частной жизни [3, с. 18].

В основе концепции стратагем лежат древние китайские представления (впервые письменно зафиксированные в «Книге перемен») о взаимодействии между двумя противоположными началами, тeneвым Инь и солнечным Ян. При этом с китайской точки зрения стратагемы вовсе не обязательно служат «злому», чтобы перехитрить «доброе». Очень часто возникают ситуации, в которых как раз добрый, но находящийся в более слабой позиции человек может достигнуть достойной цели исключительно с помощью стратагемы. Так было в классическом китайском обществе, в котором законы не служили защитой отдельной личности и никакой независимый суд не был способен помочь человеку в его праве. В древнем китайском обществе, где отсутствовала юриспруденция, служащая интересам личности, стратагемика (практическое знание уловок, необходимых для выживания в жизни) давала человеку жизненно необходимую опору [3, с. 19].

Что касается «36 цзи», то по существу они действительно представляют собой перечень военных хитростей. Ведь древнейший трактат о 36 стратагемах имеет подзаголовок «Сокровенная книга о военном искусстве». В этом сочинении каждая стратагема поясняется преимущественно примерами из китайской истории.

В связи с этим перевод выражения «36 цзи» как «36 стратагем» является наиболее удачным, поскольку немецкое заимствование «стратагема» первоначально обозначало военную хитрость, а в дальнейшем вообще искусный прием, уловку [3, с. 20].

В своей книге Х. фон Зенгер приводит следующую классификацию списка 36 стратагем:

1) стратагемы подделки (имитации): создание иллюзорной действительности (например, стратагемы 7, 27, 29);

2) стратагемы утаивания: имеющиеся в действительности обстоятельства делаются скрытыми от взгляда (например, стратагемы 1, 6, 8, 10);

3) [дез]информирующие стратагемы: о том, что на самом деле неизвестно, сообщается как об известном (например, стратагемы 13, 26);

4) стратагемы извлечения выгоды: своевременно используются активно вызванные или случайно создавшиеся благоприятные обстоятельства (например, стратагемы 2, 4, 5, 9, 12 (инсценировка совпадения и т. п.), 18, 19, 20);

5) стратагемы бегства: уклоняются от неблагоприятных обстоятельств (например, стратагемы 11, 21, 36);

6) смешанные стратагемы: одно и то же действие можно отнести к стратагемам различных категорий.

Таким образом, все 36 стратагем могут быть разделены на 3 основных класса:

а) стратагемы обмана (основные разновидности 1 и 2);

б) стратагемы присутствия (основные разновидности 3, 4 и 5);

в) смешанные стратагемы (основная разновидность 6).

Распределение 36 стратагем на шесть основных разновидностей и три класса является заслугой не китайских авторов, а лично Х. фон Зенгера. В Китае на первом плане стоят другие классификации 36 стратагем, в частности на две разновидности: применяемые при сильном положении (наступательные) и при слабом положении (оборонительные) [3, с. 20–21].

По мнению Х. фон Зенгера, умение пользоваться стратагемами всегда помогало китайцам не только уберечься от чужих уловок, но и понять суть происходящего, найти взаимосвязь с другими случаями такого же рода и овладеть более высоким искусством общения. Европейцы же видят лишь конкретные проявления хитрости, не замечая при этом общего в однотипных уловках и не сопоставляя их с аналогичными примерами из истории, художественной литературы и т. д. [3, с. 36].

Знакомство с работами В. С. Мясникова и Х. фон Зенгера и с понятием стратагем, несомненно, является очень полезным и интересным для каждого исследователя, занимающегося изучением Китая, так как позволяет иначе представлять и оценивать различные исторические события, сопоставлять их друг с другом, анализировать и в какой-то степени воздерживаться от однозначных оценок и суждений.

Литература

1. *Непомнин О. Е.* История Китая: Эпоха Цин. XVII — начало XX века. М., 2005.
2. *Мясников В. С.* Квадратура китайского круга: Избранные статьи: в 2 кн. М., 2006.
3. *Зенгер Х. фон.* Стратагемы: О китайском искусстве жить и выживать. Впервые полное прочтение всех 36 знаменитых стратагем, истинного воплощения трехтысячелетней мудрости. М., 2004. Т. 1. Стратагемы 1–18 / пер. с нем. А. В. Дыбо; общ. ред., вступит. ст. и коммент. акад. В. С. Мясникова. Т. 2. Стратагемы 19–36 / пер. с нем., коммент. А. Д. Гарькавого; предисл. акад. В. С. Мясникова.

4. Васильев К. В. Планы Сражающихся царств. М., 1968.
5. Crump J. L., Jr. Intrigues. Studies of the Chan-kuo Ts'e. Ann Arbor, Univ. of Michigan Press, 1964.
6. Шуццкий Ю. К. Китайская классическая «Книга перемен». 2-е изд., исправл. и доп. / под ред. А. И. Кобзева. М., 1993.
7. Малявин В. В. Китайская наука стратегии. М., 1999.
8. Тридцать шесть стратагем: Китайские секреты успеха / пер. с кит. В. В. Малявина. М., 1998.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список 36 стратагем

36 стратагем, как они представлены в древнейшем трактате «Саньшилю цзи» («Мибэнь бин-фа»), а также в работах известного исследователя Китая В. В. Малявина [7].

Дополнения в квадратных скобках служат лучшему пониманию выраженных кратким языком (всего три-четыре знака) китайской письменности определений стратагем.

1. Обмануть императора, чтобы он переплыл море / Обманным путем [пригласив государя якобы в расположенный на берегу моря дом, в действительности бывший замаскированным кораблем] вынудить императора пересечь море (Мань тянь го хай).

瞞天過海

2. Осадить [незащищенную столицу царства] Вэй, чтобы спасти [подвергшееся нападению основных сил царства Вэй] царство Чжао (Вэй Вэй цзю Чжао).

圍魏救趙

3. Убить чужим ножом (Цзе гао ша жэнь)

借刀殺人

4. В покое ждать, утомленного врага (И и гай лао)

以逸待勞

5. Грабить во время пожара (Чэнь хо да цзе)

趁火打劫

6. Поднять шум на востоке — напасть на западе (Шэн дун цзи си)

聲東擊西

7. Извлечь нечто из ничего (У чжун шэн ю)

無 中 生 有

8. [Для вида чинить сожженные] деревянные мостки [по дороге на Чэньцан, а самим] тайно выступить [обходным путем] в Чэньцан (Мин сю чжань дао, ань ду чэнь цан)

暗 渡 陳 倉

9. С противоположного берега [с наигранной безучастностью] наблюдать за пожаром (Гэ ань гуань хо)

隔 岸 观 火

10. Скрывать за улыбкой кинжал (Сяо ли цан гао)

笑 裡 藏 刀

11. Сливовое дерево засыхает вместо персикового (Ли дай тао цзян)

李 代 桃 僵

12. Увести овцу, некой рукой (Шунь шоу цянью ян).

順 手 牽 羊

13. Бить по траве, чтобы вспугнуть змею [и тем самым разведать, притаилась ли в траве змея, чтобы прогнать ее] (Да цао цзин шэ)

打 草 惊 蛇

14. Позаимствовать труп, чтобы вернуть себе душу (Цзе ши хуань хунь)

借 尸 還 魂

15. Вынудить тигра покинуть гору (Дяо ху ли шань)

調 虎 离 山

16. Если хочешь поймать, сначала отпусти (Юй цинь гу цзун)

欲 擒 故 縱

17. Бросить кирпич, чтобы заполучить яшму (Пао чжуань инь юй)

抛 磚 引 玉

18. Чтобы обезвредить разбойничью шайку, надо сначала поймать главаря (Цинь цзэй цинь ван)

擒 賊 擒 王

19. Вытаскивать хворост из-под очага (Фу ди чоу синь)

釜底抽薪

20. Мутить воду, чтобы поймать рыбу (Хунь шуй мо юй)

混水摸魚

21. Цикада сбрасывает золотой кокон (Цзинь чань то цяо)

蟬脫金壳

22. Запереть ворота, чтобы схватить вора (Гуань мэн чжо цзэй)

关门捉賊

23. Дружить с дальним и воевать с ближним (Юань цзяо цзинь гун)

遠交近攻

24. Потребовать прохода [через удел Юй], чтобы напасть на Го (Цзя ту фа Го)

假途伐虢

25. Выкрасть балку и подменить колонны, не передвигая дома (Тоу лян хуань чжу)

偷梁換柱

26. Грозить софоре (акации), указывая на тут (шелковицу) (Чжи сан ма хуай)

指桑罵槐

27. Притворяться глупцом, не теряя головы (Цзя чи бу дян)

假癡不癩

28. Заманить на крышу и убрать лестницу (Шан у чоу ти)

上屋抽梯

29. На [сухое] дерево украсить [искусственными] цветами (Шу шан кай хуа)

樹上開花

30. Пересадить гостя на место хозяина (Фань кэ вэй чжу)

反客為主

31. Стратегема красавицы/красавца, подкупа (Мэй жэнь цзи)

空 人 計

32. Стратегема открытых городских ворот [на самом деле незащищенного города] (Кун чэн цзи)

空 城 計

33. Стратегема сеяния раздора (Фань цзянь цзи).

反 間 計

34. Стратегема нанесения [себе] увечья (Ку жоу цзи)

苦 肉 計

35. Стратегема цепи / Цепь уловов (Лянь хуань цзи)

連 環 計

36. [Своевременное] бегство [в безнадежном положении] — лучший выход (Цзоу вэй шан)

走 為 上

Статья поступила в редакцию 12 января 2011 г.